

Гомер и Пушкин как ключевые фигуры мирового литературного процесса. // Пушкин и мировая культура. Сборник научных статей. Материалы VI Международной научной конференции «Пушкин и мировая культура» (Минск, МГПУ им. М. Танка, 20-21 октября 2016). – Минск, БГПУ, 2017. – 256 с. – С. 77-92.

ISBN 978-985-541-314-2

ГОМЕР И ПУШКИН КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. Доклад исследует феномен литературы как тип управления информацией – не просто как вид искусства, но и как род человеческой деятельности. В этой связи Гомер и А.С. Пушкин (главным образом как автор романа в стихах «Евгений Онегин») рассматриваются как ключевые фигуры мирового литературного процесса. Гомер открыл возможности литературы, Пушкин – реализовал их в максимальной степени, показав границы возможного в границах художественного дискурса. Показано, как Пушкин относился к указанной проблеме (анализ этого отношения ограничен текстом «Евгения Онегина»).

1

Давайте попытаемся ответить на вопрос, чего достигла литература не просто как вид искусства, но и как род человеческой деятельности.

В общественном сознании за литературой, под которой традиционно понимаются «стихи и проза» (лирика и эпос), закреплена делянка, где «окучивается» сфера чувств. Читать литературу – значит, плакать, смеяться, ненавидеть. Сопереживать. Разделять чувства персонажей, направляемых волей и чувствами автора.

Литература заканчивается там, где понимание начинает диктовать эмоциям свои правила игры. С этого момента начинается философия – то есть заканчиваются слезы, смех и ненависть. Сопереживание уступает место пониманию. Один дискурс, литературный, фатально не переходит в другой, философский, – потому что по природе своей не может перейти.

Или *переживание* (сопереживание) – или *понимание* (как результат мыслительной деятельности): таково традиционное разделение гуманитарных специализаций.

При этом никто не отрицает, что в образах литературы содержится мысль (для непосвященных непонятно, как, но содержится). В результате сопереживания наступает некоторое прояснение мысли. Здесь есть связь. Однако *мера понимания* всегда была величиной произвольной, факультативной. От литературы не требовалось научной строгости и ответственности. Художник не обязан был подчиняться каким-то там законам; он сам себе закон, а потому, если угодно, закон художника –

произвол. Более того, художник не просто имел право на ошибку – он не имел права на истину (состоящую, скорее всего, из блоков законов). От него это не требовалось.

Единственное, что от него требовалось – быть рупором, выражая чувства современников. Чтобы они потом сопереживали героям времени. Хороший художник – немслящий художник. Не творческое это дело – растекаться мыслью по древу. Обливаться слезами – другое дело.

Наука – это законы. Объективно отражающие объективную реальность. Литература, в идеале, имеет дело с «законами звезды» и «формулами цветка», да и то «открытыми во сне». Литература – это беззаконие (с точки зрения отношения познания), возведенное в ранг закона.

Больше беззакония (субъективности) – больше литературы; больше объективности – меньше литературы. Понимание, с точки зрения литературы, все портит.

В результате как род человеческой деятельности литература не претендовала на отношение познания (вижу то, что есть); пределом ее мечтаний был культ отношения приспособления (вижу не то, что есть, а то, что хочу видеть).

Иными словами, сфера сознания традиционно была выведена из сферы царствования искусства. Легион литературоведов, обслуживающий потребности литераторов, мог пытаться перевести художественные творения, итог смутных откровений и туманных прозрений, на презренный язык науки; художники же отважно делали ставку на интуицию, на бессознательное.

При этом нередко бессознательному приписывали некие сакральные функции: непонятно почему, оно оказывалось умнее сознания. Художник всегда оставлял в дураках исследователя.

Однако проблема *соотношения* сознательного и бессознательного парадоксальным образом не становилась предметом искусства; предметом мог быть триумф бессознательного (и, соответственно, посрамление сознания), но исследование соотношения как некоего закона табуировалось, ибо рассматривалось как сфера влияния иной епархии, сиречь науки.

Таким образом, литература не переходила в науку и наоборот. Это считалось естественным. Скрещении ежа с ужом, науки и литературы, почиталось неестественным.

Вполне понятно, что главными функциями литературы со временем стали функции идеологические. Степень эффективности литературы рассматривалась сквозь призму потенциала суггестивности. Литература заставляла читателя не просто «обрыдаться», но прослезиться в нужном направлении. Литература ненавязчиво указывала, что есть истина, а уж читатель оплакивал ее по полной программе. Литература тянулась к массам, массы тянулись к литературе. Общественная роль литературы, пусть и на краткий исторический отрезок времени, резко возросла.

Так было до той поры, пока на авансцене истории не появилась личность, а появилась она тогда, когда вслед за романом в стихах Пушкина «Евгений Онегин» появилась плеяда лишних героев.

С романа в стихах все и началось.

2

Что такое роман в стихах?

Забегая вперед, скажем главное: это сознательно принятый культурный вызов. Совместить «стихи и прозу, лед и пламень» – значит совместить несовместимое: дискурс лирический, который специализируется на мироощущении, и дискурс эпический, специализация которого – мировоззрение.

Более того: речь идет о совмещении психики и сознания.

Более того: о совмещении двух *типов управления информацией*.

Но это против законов литературы. Это нонсенс. Зачем, спрашивается, совмещать указанные стихии? По определению – «лед и пламень»? С какой целью?

А затем совмещать, что так называемый «внутренний мир» человека буквально соткан из противоречий, возникающих при взаимодействии психики и сознания. Больше у человека «за душой», собственно, ничего и нет. Совмещение дает новое – иное! – качество человека, имя которому (качеству) *личность*. Правда, все это возможно при одном обязательном условии: человек должен стать мыслящим. Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей немыслящих. При этом все мыслящие рождаются из немыслящих.

Беда только в том, что человек мыслящий никогда не перестанет быть немыслящим. Он совмещает в себе два противоположных начала. Две несовместимые стихии: чувство и мысль (которые в зависимости от контекста называются по-разному: психика и сознание, натура и культура, индивид и личность, стихи и роман).

Можно назвать это проклятием человека. Можно – его культурным крестом. Суть от этого не меняется: человек несет в себе непримиримые начала. «Так нас природа сотворила, к противуречию склонна».

Но дело здесь не в противоречии как таковом; дело в том, что именно противоречие является источником развития, гарантией прогрессивного движения. Двигаться вперед, прогрессировать, совершенствоваться «по-человечески» – значит совершенствовать отношение познания, к которому «подтягивается» затем и отношение приспособления. Проще говоря, совершенствоваться, значит уметь. Становиться все более и более разумным. Кстати говоря, этапными произведениями в истории мировой литературы становились такие опусы, где степень когнитивности эмоций была на порядок выше предыдущих образцов. Удивить мир в литературном отношении – означало перейти на качественно новый уровень мышления.

Справедливости ради, укажем на еще один фактор, делающий произведение этапным: речь идет о виртуозном владении словом, словесной техникой, стилем. Чувственно воспринимаемой формой, которая, ощутив свою литературную власть, стремилась сбросить с себя «вериги содержательности». Стил, стремящийся к отрыву от содержания, также следует признать движущей силой литературы (не в решающей степени, но

тем не менее). Красивый миф о чистой красоте всегда тянулся шлейфом за литературой.

Иногда эти факторы, «содержание и форма», сливались в один; иногда демонстративно размежевывались. Но приоритет в поступательном движении литературы мы должны отдать мысли перед чувством.

«Роман в стихах» как информационный синтез – это информационная модель личностного мира человека. Это не каприз гения (а дай-ка я что-нибудь этакое совмещу невиданное, удивлю мир), как могло бы показаться; это, повторим, сознательно принятый культурный вызов.

Только «романом в стихах», по существу, и можно «вылепить», оконтурить неуловимый процесс, название которому *движение от человека к личности* (то есть от немыслящего – к мыслящему). Берясь за роман в стихах, творец прикасается к веществу личности.

Роман в стихах – это универсальное средство (не жанровое, подчеркнем, а – информационное), с помощью которого личность может сотворить личность и донести свое творение до личности.

Личность стала главным фактором развития литературы. Какова была личность Гомера? Это неважно, это неактуально, ибо феномена личности тогда в принципе не существовало.

А вот личность Пушкина – вопрос не праздный, но первостепенный (хотя пока еще в науке не достаточно актуальный, к сожалению). Пушкин писал не чернилами, не словами и не эмоциями; его пером водила личность. В литературу пришла и утвердилась личность. В культуре наступила эпоха *персоноцентризма* (хотя это не осознано до сих пор; что ж, большое видится на расстоянии; поживем – увидим).

После Пушкина стало понятно, что все великие (или просто настоящие) романы – это непременно романы в стихах, даже если стихи принимали форму прозы. После Пушкина литература в полной мере стала способом духовного производства человека.

Гомер ведь тоже сотворил свой эпос в стихах. Только категории личность во времена Гомера еще не было. А когда существование личности (которая упорно и парадоксально принимала модус социально лишнего) встала в повестку дня, оказалось, что личность под силу изобразить только роману в стихах.

То, что начал Гомер, завершил Пушкин: у человечества в руках оказалась литература – уникальный информационный инструмент, с помощью которого человек мог заглянуть в себя. Назад, в будущее. Вперед, в прошлое. Куда угодно в пределах человеческого космоса.

Ибо: появилась личность как перспектива развития человека. Как точка отсчета. Наступил *пушкинский этап в развитии литературы*.

Два типа управления информацией как предмет искусства: до Пушкина такое невозможно было себе представить. Наука и искусство не просто совместились в романе в стихах, а совместились таким образом, что никто даже не заметил ни шва, ни зазора! В романе в стихах увидели то, что способны были разглядеть в литературе в принципе: энциклопедию русской

жизни, русскую душу, отношение к западничеству, влияние западничества и т.д. «Философские рассуждения» также никого не смутили и не насторожили, хотя отношения «писатель – философ» в романе изменены радикально. Писатель как философ и философ как писатель: проблема была снята самым смелым и, чего греха таить, невероятным способом: философская одаренность стала предпосылкой писательской одаренности. Философ на посылках у писателя, при этом первый не унижен, а второй возвышен: такого в мировой культуре еще не было.

Когнитивность как *ценностное качество* эмоций: как вам такая постановка вопроса? Кто жил и мыслил, только тот способен уважать человека.

«Писатель и философ объединяются в одном лице» – это уже было, и это в лучшем случае Достоевский или Лев Толстой (а ведь это вершины художественного развития человечества!) Слишком много заблуждений, и все они – на уровне философии, которая традиционно была и остается самым слабым местом писателей (художников).

Речь идет о другом: о слиянии противоположных свойств сознания в качественно новое информационное «поле» или образование. Писатель становится не просто носителем когнитивных эмоций; он бессознательно (субъективно, если угодно) следует вполне осознанно освоенным и усвоенным законам, объективно отражающим сущность. Здесь уместно говорить о том, что у философа открывается художественный дар или у писателя – философский. В «Евгении Онегине», гносеологическом романе в стихах (обратим внимание: последовательно соединяются противоречащие друг другу стихии: лирическая с эпической, женская с мужской, роман с философией человека), начало познавательное существует в виде философских отступлений-импровизаций или в виде философской афористики в стихах. В количественном отношении философии немного, однако в качественном отношении она пронизывает весь роман, сообщая ему буквально научно выверенные подходы к проблеме духовности homo sapiens`а. Человек, будучи существом информационным, обречен эволюционировать к параметрике личности; борьба души и ума, психики сознания, природы и культуры – вот универсальная тема, обнаруженная и разработанная Пушкиным, – тема, ставшая стержнем современного романа, к которой великий жанр шел долгие столетия своего развития.

Если угодно, эта тема и делает синтетический роман познания современным, гносеологическим. Все остальное просто несовременно с позиций культуры. Архаично, как говаривали в старые добрые времена, когда и романа-то еще не было и в помине.

3

Вот почему Пушкин – это гомерического масштаба фигура. Буквально – Гомер («божественный Омир») нашего времени. Гомер открыл возможности литературы, Пушкин – реализовал их в максимальной степени, показав границы возможного в границах художественного дискурса.

Понимал ли сам Александр Сергеевич смысл им сотворенного? Осознавал ли масштаб собственной личности?

Трудно сказать. Цену он себе знал, а вот масштаб...

Впрочем, к масштабу мы еще вернемся.

На наш взгляд, важнее и показательнее то, что он сполна расплатился за «содеянное». Он был убит в расцвете своего гениального дарования – теми силами, которые мыслили исключительно в рамках *индивидуоцентрической* парадигмы. Его убили за подвиг воплощения персонцентризма (в жизни и творчестве), убили те, кто был врагом личности: если отвлечься от частных случаев, то расклад сил примерно такой. Враги личности расправились с личностью. Натура – с культурой. Цивилизация избавилась от того, кто предрек ее исчезновение (трансформацию, переход в иное качество).

Такова цена вопроса быть или не быть личностью. Смерть поэта стала продолжением дела жизни.

Конечно, не стоит обольщаться: Пушкин является пока что скрытой, имплицитной точкой отсчета в литературе, да и то только в русской, с ее откровенно персонцентрической ориентацией, давшей удивительно зрелые плоды в золотой век ее развития; всемирно-исторические масштабы русского гения пока что не очевидны. Но литература может развиваться, прогрессировать только с учетом опыта Пушкина, его романа в стихах. Несерьезно делать вид, что «солнца поэзии» не существует. Развитие литературы вне пушкинского русла – это лукавое уклонение от вызова времени; изменой культуре это не назовешь, но и вкладом в культуру назвать трудно. Толочь воду в ступе: примерно таков смысл стилевых экспериментов ради экспериментов. Индивидуоцентрический дискурс уже изменен на персонцентрический: это исторически свершившийся факт. Как говорится, уже написан «Евгений Онегин». Нравится это кому-то или нет.

Не очень удачная русская (прорусская?) формула Аполлона Григорьева «Пушкин – это наше все», тем не менее содержит в себе зерно универсальной истины. Если рассматривать формулу «Пушкин – это наше все» как нечто близкое сердцу и душе русского человека, как формулу региональную или этнокультурную, то она принижает Пушкина (хотя кажется, что воздаст ему должное: благие намерения, как всегда, напускают туману); в качестве формулы всемирной (универсальной) – она возвышает русского гения, вознося его имя до подобающих его заслугам культурных высот. Если написать пророчество Аполлона Григорьева, например, на английском и произнести от имени всего человечества, как это сегодня делается сплошь и рядом, формула приобретет куда более весомую культурную значимость. Пушкиным должны гордиться все. Как и Гомером. Пушкин – это *всех все*; это все для тех, кто уважает себя, культуру в себе. Сделанное Пушкиным настолько впечатляет, что хочется назвать это *русским культурным проектом* – возможно, самым существенным вкладом русских в словесно-художественную культуру, а также культуру гуманитарную.

Наконец, последнее и, пожалуй, самое главное.

В связи с глобальной темой *личность и литература* необходимо подчеркнуть, что переход от одного типа управления информацией к другому, от индивида к личности, зафиксированный Пушкиным, это не просто информационный каприз или информационный зигзаг, один из многих этапов, который проходит в своем развитии человек. Сегодня дело обстоит таким образом: переход от *бессознательного* типа управления информацией к *сознательному*, от индивида к личности, знаменует собой переход от цивилизации как типа управления информацией (бессознательного) к культуре как типу управления информацией (сознательному).

Путь от Гомера к Пушкину – это путь от цивилизации к культуре. Индивид при этом выступает субъектом цивилизации; субъектом культуры выступает личность.

В проблеме смены типов управления информацией и выведения на авансцену развития человечества личности (человека разумного, опирающегося на возможности разума) меньше всего отвлеченного академизма. Дело в том, что все кризисы сегодня так или иначе упираются в информационную природу человека. Кризисы упорно пытаются разрешить с позиций индивида. Ничего не получается, по всем фронтам – тупики. Природа этих кризисов (политико-экономических, гуманитарных, военно-технических, технологических, экологических) имеет *ценностно-информационную природу*. На повестке дня – смена систем ценностей, что влечет за собой смену типов управления информацией.

Если посмотреть на наши кризисы с позиций личности, мы попадем в новую реальность. Переформатирование потребностей человека, выдвижение потребностей духовных на первый план должно изменить качество жизни. Чего стоит одна только возможность устранить *угрозу войны* как универсального способа разрешения конфликтов, что является для цивилизации делом совершенно обыденным, чтобы не сказать естественным.

Однако не станем фантазировать, укоряя реальность с высоты идеалов. Ограничимся тем, что укажем на информационную возможность, которая рождена была литературой, – на личность (персоноцентрическую модель), которая является главным ресурсом человека. И на Пушкина, с легкой руки которого незримая личность, пусть медленно, зато неотвратимо, становится очевидной реальностью.

Только возможность это не чисто литературного свойства, а свойства экзистенциального, судьбоносного для человека.

В открытии феномена личности меньше всего литературы, но именно литература оказалась способна на это. Почему?

Это серьезная научная проблема, которую мы неоднократно затрагивали в своих работах. (Феномен персоноцентризма в интересующем нас аспекте рассмотрен, в частности, здесь [1]). Коротко можно ответить так. Какова рыба – такова и сеть. Информационные возможности литературы оказались именно той «сетью», с помощью которой удалось «поймать» личность,

зафиксировать ее как нематериальный, но вполне реальный объект. Чего ж вам больше?

Литература выполнила свою миссию. Дальше слово за наукой, «моментом» которой литература становится все больше и больше.

4

Затрагивая тему Гомер и Пушкин, невозможно обойти вниманием отношение Пушкина к Гомеру. Так сказать, желательно поинтересоваться у самого Пушкина, что он думает по этому поводу.

Причем пушкинское отношение, что нам особенно интересно, не формального свойства, а именно личностного, ценностного. Дело не в том, что у Пушкина есть строки, в которых так или иначе упомянут «старик» Гомер; дело в том, что Пушкин явно соотносит себя с гомеровской традицией, примеряет к себе гомеровскую мерку.

Присмотримся, как он это делает. При этом будем иметь в виду, что нам интересно отношение Пушкина к Гомеру в контексте нашего отношения к проблеме «Гомер и Пушкин».

Понятно, что отношение к Гомеру (даже шире: к гомеровскому вопросу) формировалось у Пушкина на протяжении всей жизни. Тому есть многочисленные свидетельства. Мы сосредоточимся только на ключевых высказываниях, так или иначе связанных с «Евгением Онегиным», ключевым творением Пушкина.

Точнее было бы сказать, нас будет интересовать отношение Пушкина как автора романа в стихах «Евгения Онегина» к Гомеру как символической литературной фигуре.

Во-первых, Пушкин, автор романа в стихах, вполне отчетливо соотносил себя не только с прошлым, но и с будущим, делая это с большим тактом, чувством меры и достоинства. Ведь далеко не каждый поэт может позволить себе «заглянуть в будущее и увидеть там себя», а если и позволит – то рискует нанести непоправимый ущерб своей репутации. Масштаб личности поэта – величина трудноуловимая, однако совершенно реальная.

Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить,
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

И чье-нибудь он сердце тронет;
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;

Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
(Глава II, строфы XXXIX, XL, [2]).

Во-вторых, в тексте романа мы найдем и непосредственное обращение к Гомеру. Это обращение, конечно же, соответствующим образом обставлено, обрамлено контекстом, вписывающим «тень старца» в концепцию романа.

Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок – верный наш брегет;
И, кстати, я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир! (V, XXXVI)

Кстати, в приведенной строфе вполне можно было обойтись без небольшого отступления, затеянного в том числе и ради того, чтобы вплести в него Гомера (названного здесь Омиром, согласно византийской традиции). Автор великого древнегреческого эпоса упомянут не потому, что без него никак невозможно было обойтись, а потому, что он необходим автору как некая точка отсчета. Какая?

Прежде всего: в какой момент повествования потревожена тень кумира?
В момент пира, в разгар дня рождения Татьяны.

Толпа в гостиную валит:
Так пчел из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным обедом
Сосед сопит перед соседом. (V, XXXV)

Заканчивается праздник (а также и глава) яростью Ленского, граничащей с истерикой: именно в этот момент он принимает решение (не головой, а сердцем, очевидно) вызвать Онегина на дуэль.

А начинается глава также весьма символически – с языческой картины преобразования живых существ друг в друга.

Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив. (V, II)

Далее Татьяна, прелестное дитя природы, видит «чудный сон», в котором природа сливается с *природой человека*. Между прочим, в своем чудном и ужасном сне Татьяна, преследуемая медведем, попадает на грандиозное

застолье («За дверью крик и звон стакана, Как на больших похоронах», V, XVI). Пируют чудовища – и «хозяин» всей этой «шайки домовых» не кто иной, как Онегин, тот, «кто мил и страшен ей».

Он знак подаст: и все хлопочут;
Он пьет: все пьют и все кричат;
Он засмеется: все хохочут;
Нахмурит брови: все молчат;
Так, он хозяин, это ясно. (V, XVIII)

Появляется Ольга, вслед за ней Ленский; между Онегиным и Ленским происходит роковая ссора – и «вдруг Евгений Хватает длинный нож, и вмиг Повержен Ленский».

На дне рождения Татьяны, подозрительно напоминающем «большие похороны», все происходит, словно во сне и в соответствии с сюжетом сна.

Но кушать подали. (...)
Толпа жужжит, за стол садясь.
На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы
Да рюмок раздается звон. (...)
Вдруг двери настезь. Ленский входит,
И с ним Онегин. (V, XXIX)

Чем закончилась ссора Онегина с Ленским всем хорошо известно: дуэлью неразлучных друзей и гибелью Ленского.

Таким образом, Глава пятая в основном посвящена низменному, природному началу в человеке; можно сказать, человеку, который не выделился еще из природы, не стал еще культурным. Стихия чувств, часто примитивных, зоологических (страх, чревоугодничество, вожделение, ярость, желание убить), управляет человеком, который остро ощущает свою зависимость от природы, порождающую бессилие перед ней. (Роман, напомним, посвящен тому, что человек способен найти аргументы против природы; более того, способен найти аргументы *за* то, чтобы сделать природу своей союзницей. Человек мыслящий, согласно Пушкину, в состоянии превратить разрушительное начало природы в созидательное.)

Вот в какой момент взывает автор к духу «божественного Омира» – в тот момент, когда Пушкин «ведет речь» о человеке телесном, воздает должное человеку как продукту натуры (не культуры!). То есть тому самому, о котором «вел речь» еще Гомер тридцать веков тому назад. Не случайно в романе Петушков, пригласивший Ольгу на танец, аттестован как «Парис окружных городков» (V, XXXIX). Предмет Пушкина в романе в стихах, заметим, – человек духовный, личность, то есть такой человек, о котором Гомер как раз не писал. Не случайно Онегин «бранил Гомера» (I, VII): не стихи сами по себе раздражали Онегина (впоследствии, как мы помним, он «чуть... не сделался поэтом», VIII, XXXVIII), а стихи как односторонний способ постижения человека.

В романе нет ничего случайного. Гомер не просто упомянут как объект сравнения («я... как ты»); он обозначен как точка отсчета в истории становления личности. От Гомера (европейская традиция произношения имени) – до наших дней. Через *Омира* мы приобщены к истории рода человеческого.

По завершении романа Пушкин пишет свои знаменитые гекзаметры. Они интересны для нас тем, что некоторые из них имеют прямое отношение к предмету нашего исследования. Например, «Труд» (том II, с. 183).

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?

(...) свой подвиг свершив, я стою (...)

Оценка труда – вот что нам интересно в первую очередь. Самооценка. «Подвиг» – ни больше, ни меньше. Пушкин с его высочайшей чуткостью к шкале оценок знал, что говорил. Итог труда – послание в вечность.

Но в таком деле – диалоге с вечностью и культурой – ни в чем нельзя быть уверенным до конца. Ставки слишком высоки. Отсюда – «непонятная грусть», «тайно тревожащая» поэта. «Смущение», опять же. Каково это – каменеть на глазах у самого себя?

Вот, пожалуйста, «На перевод Илиады» (том II, с. 183).

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;

Старца великого тень чую смущенной душой.

Мне в этих гекзаметрах чудится намек на некое подобие вины за историческую задиристость. И подвиг вроде совершил, а душа тем не менее смущена и растревожена. Великий старец при этом не может ни возразить, ни ответить.

«Я не Омер», обронил как-то Пушкин («Руслан и Людмила», песнь IV). Он остро ощущал свою «непохожесть» в поэтическом пространстве, учась при этом у всех великих. Кроме того, не станем сбрасывать со счетов и такой гигантский нюанс: был Гомер или не был, приложил он руку к легендарным опусам или нет – это большой вопрос; а вот персональные достижения Пушкина, позволившие ему сотворить величайший персонцентрический роман в стихах, – очевидны, весомы, конкретны. Гомер – символ человечества, и как фигура конкретно-историческая он малоактуален, ибо вряд ли способен что-либо добавить к значимости символа. Пушкин – живой человек, пытавшийся «печальный жребий свой прославить», и в качестве такового на наших глазах он превращается в символ всемирно-исторический.

Гомер – символ в истории (говорим Гомер – подразумеваем «божественная речь», литературно обработанная речь). Пушкин – личность в истории, запечатлевшая историю личности с помощью «божественной речи»: это дает нам право рассматривать фигуру Пушкина также в статусе символическом.

В этой связи впору говорить о зарождении «пушкинского вопроса» в культуре.

А теперь обобщим ответ на вопрос, состязался ли Пушкин с Гомером, и если да, то какого рода было это состязание?

Думается, ответ на этот прямой вопрос должен быть положительным. Да, состязался, то есть в значительной степени осознавал масштабы своего культурного «подвига» и сравнивал его с величайшими образцами мировой поэзии. Состязался – в том смысле, что также творил эпос (не замечать при этом «первотворца» было бы проявлением либо неуместного высокомерия, либо ложного самоуничижения: дескать, кто – Гомер, а кто – аз есмь, недостойный). С одной существенной оговоркой: творил эпос нового времени: он рассказал частную историю, с помощью которой сказал самое главное о жизни и человеке.

У Гомера эпос был героическим (воплощением *социоцентрических* идеалов, находящихся в гармоническом равновесии), легко поддающимся «расщеплению» либо на сатиру, свою противоположность, либо на трагизм, представляющий собой «обогащенную» личностным началом героикой (Гомер обозначил контуры великой социоцентрической триады: героики – сатиры – трагизма). У Пушкина эпос принципиально иного качества. Его пафосная доминанта – персоцентрическая гармония, оттененная глубоким драматизмом, юмором, сатирой, иронией и трагизмом. Всей пафосной палитрой.

Гомер – запечатлел (абсолютизировал!) героическое сознание, собственно, свел все достоинства человека к героике; Пушкин увековечил сознание многомерное, вмещающее в себя все типы сознания.

Гомер дал образец человека идеального, созданного по матрицам мифологической модели (на «идеальность» как литературную традицию впоследствии ориентировалась вся литература, озабоченная комплексом «положительного героя»); Пушкин дал образец человека «лучшего из реально возможных» (по-своему идеального, все свои совершенства черпающего из «порочной природы»).

В состязательности Пушкина, добавим, присутствует еще и психологический момент. Если ты пишешь «обо всем», выстраиваешь универсальную модель отношений человека с миром, ты поневоле станешь оглядываться на предшественников. Соперников у Пушкина на уровне замысла не было. Поэтому он напрямую обратился к тени «великого старца». До Пушкина попыток синтезировать универсальность в указанном нами ключе (совмещение типов управления информацией) не предпринималось.

После Пушкина не замечать универсальность означает быть «гомероподобным», то есть безнадежно архаичным (хотя в случаях исключительных это не мешает стать «божественным», как это удалось, например, Набокову).

Литература стала другой, ибо сознание стало другим – личностным.

Таким образом, состязательность надо воспринимать не в буквальном смысле, сводящем противостояние культурных феноменов на уровень спортивного интереса (Пушкин из кожи лезет вон, доказывая свое

превосходство); состязательность надо понимать как сопоставление позиций с целью обнаружения культурного потенциала.

Сопоставляются при этом не мировоззренческие позиции: за тридцать веков, понятно, многое поменялось во взглядах на человека и мир. И не поэтика, и не поэтические техники, и не структура поэтического дискурса, и не стиль. Все это производное от мировоззренческих позиций.

Различия связаны с тем, *на какой предмет* направлена поэзия.

Предмет Гомера и всей последующей поэзии – *душа* человека; предмет Пушкина – *сознание* (связанное, конечно, с душой).

Гомер мог описывать вещи, пейзажи, события, переживания, поведение – и за всем этим так или иначе стояла сфера чувств. Пушкин описывал то же самое – только за всем этим угадывалось иная информационная реальность – за чувствами сквозило сознание как высшая информационная инстанция.

Гомер научился словом высекать поэтические искры, то есть указал на само вещество поэзии. Сформировал сам феномен поэтического отношения, если угодно. Зазвучала «божественная эллинская речь» – и человек внял поэтическому слову.

Пушкин включил в сферу поэтического отношения то, что, по мнению поэтов, поэзию уничтожает. Тем самым поэзия вырвалась из оков отношения «приспособительного» и стала выполнять функции «познавательного», сиречь научного, отношения. *Предметом поэзии*, по сути, *стало все*; поэзия превратилась в инструмент тотального совершенствования человека.

Гомер с помощью поэзии дал язык душе (чувствам), создал культуру переживаний.

Пушкин сделал поэзию инструментом обогащения сознания, способом «духовного производства» человека. С помощью поэзии стало возможным участвовать в создании культуры как типа управления информацией.

Гомер сотворил невероятно великое, но он сделал только полдела; Пушкин довершил начатое Гомером-Омиром, также совершив невозможное.

И речь не о том, кто лучше, кто более велик, кто матери-истории более ценен. Речь о том, что эти два величайших поэта всех времен и народов каждый в свое время сумели уловить и зафиксировать колоссальные эпохальные сдвиги в информационном развитии человечества.

Благодаря в первую очередь им мы стали такими, какие мы есть сегодня; благодаря им у нас есть возможность совершенствоваться и дальше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Н. Лишний Пушкин / А.Н. Андреев; Белорусский государственный университет. – Минск, 2012. – 147 с. – Деп. в БГУ 09.08.2012, № 000509082012 – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/14161>; Андреев А. Н. Персоцентризм в классической русской литературе XIX в. Диалектика художественного сознания. Научная монография. / А.Н. Андреев; Белорусский государственный университет. – Минск, 2012. – 388 с. – Деп. в БГУ 10.08.2012, № 000710082012 – Режим доступа:

<http://elib.bsu.by/handle/123456789/14162>; Андреев А. Н. Персоцентризм в русской литературе XX в. Научная монография. / А.Н. Андреев; Белорусский государственный университет. – Минск, 2012. – 235 с. – Деп. в БГУ 09.08.2012, № 000609082012 – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/14164>

2. Текст цитируется по изданию: Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. IV. – М., «Правда», 1981.